Е. И. Самородницкая
ORCID: 0000-0003-1334-6150
✉ *samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

Перевод, оригинал и недостижимый идеал: случай В. Набокова

Рецензия на: *Trubikhina J.* The translator's doubts: Vladimir Nabokov and the ambiguity of translation. — Boston: Academic Studies Press, 2015. — 247 p. — (Cultural revolutions: Russia in the 20th century).

Для цитирования: *Самородницкая Е. И.* Перевод, оригинал и недостижимый идеал: случай В. Набокова // Шаги / Steps. Т. 5. № 3. 2019. С. 241–245. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-241-245.

Рецензия поступила в редакцию 10 марта 2019 г.
Принято к печати 30 марта 2019 г.

E. I. Samorodnitskaya
ORCID: 0000-0003-1334-6150
✉ *samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

Translation, the original text and the unattainable ideal: The case of V. Nabokov

A review of: Trubikhina, J. (2015). *The translator's doubts: Vladimir Nabokov and the ambiguity of translation*. Boston: Academic Studies Press. 247 p. (Cultural revolutions: Russia in the 20th century).

To cite this review: Samorodnitakaya, E. I. (2019). Translation, the original text and the unattainable ideal: The case of V. Nabokov. *Shagi / Steps, 5*(3), 241–245. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-241-245.

Received March 10, 2019
Accepted March 30, 2019

© Е. И. САМОРОДНИЦКАЯ = E. I. SAMORODNITSKAYA

Есть исследования, взглянув на которые, невольно думаешь: неужели на эту тему еще нет никаких работ? Этого просто не может быть. Совершенно естественно, что билингв Набоков — «идеальный объект для компаративных штудий» (с. 12); совершенно естественно задуматься о том, как соотносятся Набоков-переводчик и Набоков-писатель, а также Набоков-писатель и Набоков-сценарист. При этом кажущаяся очевидность постановки вопроса не только не умаляет заслуг автора, но, наоборот, подчеркивает строгость хода ее мысли.

Монография Юлии Трубихиной не относится к книжным новинкам. Она издана в 2015 г. в Бостоне, в издательстве «Academic Studies Press», в серии «Культурные революции: Россия в XX в.»; она заслуженно удостоена премии Шумана (The Samuel Schuman Prize for the Best First Book on Nabokov), которую раз в два года присуждает Набоковское общество (International Vladimir Nabokov Society), — словом, она давно уже стала событием в набоковедении.

Сосредоточившись на примере Набокова-переводчика, Ю. Трубихина — филолог, поэт и переводчик, преподаватель Хантер-колледжа (Городской университет Нью-Йорка) — охватывает в своей монографии гораздо больший круг вопросов, чем заявлено в заглавии. Это и поэтика Набокова, и его сложные отношения с русской классической литературой, и принципы Набокова-переводчика, и проблема экранизации (cinemizing, как ее называет писатель). Исследование, посвященное узкому локальному сюжету, довольно быстро его перерастает и затрагивает проблемы теории и истории перевода, рассматривает отдельные аспекты истории русской литературы в компаративной перспективе... Но обо всем по порядку.

Структура исследования базируется на идее Р. Якобсона о трех типах перевода: внутриязыковом, межъязыковом и межсемиотическом [Якобсон 1978]. Как пример межъязыкового, наиболее традиционного перевода рассматриваются набоковские переводы с английского («Алиса в стране чудес») и на английский («Евгений Онегин»), как пример внутриязыкового перевода — сценарий «Лолиты», и как пример межсемиотического перевода — две экранизации «Лолиты», фильмы С. Кубрика и Э. Лайна. Неоднозначность перевода (ambiguity of translation), вынесенная в заглавие монографии, состоит в понимании того, что всякий перевод есть предприятие безнадежное, ибо конгениальность оригиналу недостижима, но это не мешает переводчику стремиться к ее достижению.

Открывая первую главу, посвященную переводу «Алисы в стране чудес», резонно предположить, что в этой главе мы найдем анализ набоковского переводческого метода на примере одного из сложнейшего для перевода текстов, — но автор этим не ограничивается. Очень подробно реконструируется история донабоковских переводов «Алисы», причем первый перевод, «Соня в царстве дива» (1879), впервые становится предметом фундаментального научного исследования. Трубихина рассматривает переводы Аллегро (П. Соловьевой), А. Рождественской и М. Гранстрем, сопровождая анализ кратким, но весьма полезным обзором русской переводной литературы XIX в. и русской детской литературы, начиная с журналов Н. И. Новикова. Автор прослеживает связи набоковской «Ани» с русской романтической традицией: «…идеи Набокова о переводе пока еще теоретически не оформлены, хотя он и наследует романтической традиции XIX в., разделяя с Жуковским представление о переводчике как о соавторе» (с. 62). Писателю близок Л. Кэрролл с его языковой игрой и игрой с цифрами, и многие приемы, впервые опробованные при переводе «Алисы», он впоследствии станет использовать в своих оригинальных

романах. Автор приходит к выводу о том, что набоковский перевод парафрастический, не привязанный ни ко времени, ни к пространству; «страна чудес», несмотря на принцип русификации, которого Набоков строго придерживался, — это не Россия, но и не Англия. А набоковские вставки в переводной текст («длинные сладкие летние дни» вместо «happy summer days» и «тонкие руки, обхватившие голое колено» вместо «the tiny hands were clasped upon her knee») рассматриваются не как присущая XIX в. вольность, но как аллюзия на собственные творчество и биографию писателя. Вторая вставка может быть рассмотрена в эротическом ключе, как своего рода генезис образа Лолиты, а первая — как проявление ностальгии, придающей последней фразе романа элегический оттенок. Эту параллель хочется продолжить: ностальгия писателя по России, которой больше нет, звучит в книге о вымышленной стране, которой тоже нет, что лишний раз подтверждает тезис Трубихиной о том, что набоковская «Аня в стране чудес» — совсем не детская книжка.

Вторая глава посвящена переводу и роману о переводе: переводу «Евгения Онегина» и роману «Бледный огонь». Сопоставляя набоковский роман и перевод пушкинского романа, автор задается вопросом, есть ли основания для того, чтобы видеть эволюцию как переводческого метода, так и поэтики Набокова, и приходит к отрицательному ответу; метод не претерпевает радикальных изменений и в процессе работы над «Онегиным» всего лишь достигает своей наивысшей точки. По мнению автора, «перевод для Набокова всегда был средством выражения его представлений об искусстве» (с. 89). Роман, состоящий из поэмы Джона Шейда и в несколько раз превосходящего ее по объему комментария Чарлза Кинбота, присвоившего себе право трактовки чужого текста, «смена ролей, когда вместо священного безумия поэзии и рациональности академической науки мы видим сумасшедшего комментатора и вполне трезво мыслящего поэта» (с. 106), будто напрашивается не только на сопоставление с переводом Пушкина, но и на размышление о переводе как виде деятельности. С философской точки зрения набоковский буквализм в переводе можно рассматривать как идеальный переводческий метод, попытку приблизиться к абсолюту. Достигнув идеальной точности, художник избавляется от неоднозначности, но идеал, разумеется, недостижим. Переводы «Онегина», выполненные предшественниками Набокова, Трубихина называет «метафорическими», ибо они стремились походить на оригинал; перевод Набокова — аллегорический или метонимический, соотносимый с оригиналом по принципу пространственной смежности и не претендующий на отождествление с ним. «Он предназначен для изучения» (с. 111), а не для чтения. Здесь, на мой взгляд, напрашивается параллель с переводом «Алисы»: набоковский перевод сказки Кэрролла — это детская книжка не для детского чтения, набоковский перевод пушкинского романа — роман вообще не для чтения. Кажется, что Набоков последовательно отрицает прагматику перевода, его ориентацию на читателя, самую задачу знакомства читателя с чужой культурой. Но если переводчики — не «почтовые лошади Просвещения», то кто же они? Автор монографии полагает, что перевод для Набокова — одно из средств самореализации. Пушкинский текст, да и сама фигура поэта — способ уяснить для себя свое место в культуре. Пушкинская подражательность, его готовность к заимствованию, рождение нового и оригинального из чужого материала — литературная модель, чрезвычайно важная для Набокова. Процесс перевода,

который автор описывает как движение от мимикрии к метаморфозе, можно считать значимой для писателя художественной моделью, используемой и в «Бледном огне».

В третьей главе, «Экранизация как перевод: набоковский сценарий “Лолиты” и киноверсии Стэнли Кубрика и Эдриана Лайна», рассматриваются два типа перевода: внутриязыковой (трансформация романа в сценарий) и межсемиотический (перевод художественного текста на киноязык). И тот и другой идут вразрез с набоковским представлением о задачах перевода, ибо, бесспорно, выполняют утилитарную задачу и рассчитаны на широкую аудиторию; тем интереснее понять, как, с точки зрения автора, писатель справляется с этой задачей и принимает ли он ее в принципе. Создать сценарий, свободный от авторитарного и вездесущего автора, уйти от повествования от первого лица к диалогу, упростить текст (и смысл) в расчете на зрителя, визуализировать порочность героя, не оскорбляя пуританское общественное мнение, — все эти вызовы Набоков принимает и даже справляется с ними, но создает нечто, не поддающееся экранизации. Трубихина отмечает, что Кубрик считал набоковский сценарий «лучшим в Голливуде», но «неподъемным»: «если бы фильм снимали по этому сценарию, он бы шел более четырех часов» (с. 153). Набоков, как известно, впоследствии опубликует свой сценарий как самостоятельное произведение. Сопоставительный анализ двух экранизаций романа — фильмов Кубрика и Лайна — осуществляется в русле концепции П. Рикёра о герменевтическом аспекте метафоры («Живая метафора», 1975). Применяя принцип анализа написанного текста к кинотексту, автор предполагает, что «фильм, в основе которого лежит метафора, будет взывать к интерпретации, а киноповествование, в основе которого лежит метонимия, будет старательно ее избегать» (с. 174). Вывод Трубихиной в известной мере парадоксален: первую киноверсию, созданную Кубриком в партнерстве-конфликте с Набоковым, с постоянной оглядкой на строгие моральные стандарты, когда режиссер фактически вынужден «поженить» Гумберта и Лолиту, автор считает более близкой к набоковскому роману. Фильм Кубрика строится на метонимическом принципе, и это роднит его с романом Набокова: «…двойная связь (double bind) внутри текста, одновременно переводимого и непереводимого, стремящегося к смыслу и отвергающего его и таким образом исключающего однозначность, моральную оценочность и единственно возможный вывод» (с. 189). Фильм Лайна, по мнению исследователя, однозначен, основан на метафоре, строится вокруг центрального сюжета — насилия над ребенком (child abuse), — и потому он проще и дальше от набоковского оригинала. Вывод парадоксален, ибо получается, что в более свободные времена была создана более прямолинейная, упрощенная интерпретация романа; но в то же время, возможно, именно совместная работа с автором романа позволила Кубрику создать сопоставимую с романом киноверсию.

В рецензии редко возникает необходимость отдельно рассматривать выводы автора: как правило, они представляют собой обобщение предыдущих глав. Рассматриваемая монография устроена иначе: заключение озаглавлено «Владимир Набоков и традиции перевода: русская и западная» и, по сути, является самостоятельной главой, вписывающей трубихинского героя в контекст традиции. На мой взгляд, это не просто обзор литературы (все обзоры в этом исследовании лаконичные, корректные и по существу дела); это реконструкция контекста, влияющего на писателя даже тогда, когда он демонстративно от этого отказывается. Набоков, по мнению Трубихиной, одновременно и неотъемлемая часть, и порождение как русской, так и западной культуры, и в то же время изгнанник — по отношению и к обеим традициям, и к языкам, и к теории и практике перевода.

Взгляд Ю. Трубихиной на Набокова-писателя и переводчика и — шире — на проблему перевода не в последнюю очередь определяется многогранностью самого автора — поэта, переводчика, филолога. Думается, прежде всего Набоков интересует ее как пограничный феномен; именно поэтому в фокусе внимания исследователя — переводческие принципы писателя как составная часть его поэтики, специфика которой сформировалась под влиянием его двойственной принадлежности. Набоковский буквализм и переводы, не ориентированные на читателя, отказ от роли переводчика-просветителя могут показаться бессмысленной игрой ума. Создавая максимально неутилитарный, не предназначенный для понимания текст, писатель и переводчик не отказываются от аудитории, но усложняют ее задачу. Вырастить читателя, равного автору и переводчику, — такая же сверхзадача, как и буквальный перевод по-набоковски, максимально приближенный к оригиналу. Однако, как известно, недостижимость идеала никогда еще не отменяла стремления к нему.

Литература

Якобсон 1978 — *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода / Пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. / Вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 16–24.

References

Iakobson, R. (1978). O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [Trans. from Jakobson, R. (1966). On linguistic aspects of translation. In R. A. Brower (Ed.). *On translation*, 232–239. 2nd ed. New York: Oxford Univ. Press]. In V. N. Komissarov (Ed., Intro.). *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike: Sbornik statei* [Problems of theory of translation in foreign linguistics: A collection of articles], 16–24. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Екатерина Ильинична Самородницкая
кандидат филологических наук
доцент, кафедра истории
и теории литературы,
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-
литературных исследований,
Школа актуальных гуманитарных
исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, 82
Тел: +7 (499) 956-96-47
✉ *samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya
Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor,
Department of Literary History and Theory,
Senior Researcher,
Laboratory of Historical
and Literary Studies,
School of Advanced Studies
in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ *samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*